

УДК 821.511.132 – 3: 82. 091”190/192”198/201”  
DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-677-685

## **О связи творческого наследия коми писателя К. Ф. Жакова с произведениями современного прозаика А. И. Вурдова: особенности повествования**

**Т. Л. Кузнецова**

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,  
г. Сыктывкар, Российская Федерация,  
illh@mail.illhkomisc.ru*

### **АННОТАЦИЯ**

**Введение.** В настоящее время, когда современное общество переживает процесс переосмысления духовных ценностей, весьма актуальным становится вопрос и о литературных традициях новейшей литературы. Изучение художественного опыта коми литературы в связях с классическим наследием способствует тому, чтобы выявить духовные основы жизни и деятельности современного общества, специфику их развития. В статье исследуется связь творческих поисков современного коми прозаика А. И. Вурдова с духовным наследием К. Ф. Жакова, философа, создателя оригинальной философской системы, крупнейшего коми писателя, получившего известность в России начала XX в.

**Цель:** выявить связь произведений современного коми прозаика А. Вурдова с творческим наследием К. Жакова, которая выражается в сфере повествования.

**Материалы исследования:** материалом исследования являются произведения К. Ф. Жакова, ставшие доступными широкому читателю в конце XX – начале XXI в., а также опыты малой прозы А. И. Вурдова.

**Результаты и научная новизна.** Рассмотрен один из аспектов значимой проблемы – литературные традиции новейшей коми прозы. Впервые выявлена связь произведений А. Вурдова с творчеством К. Жакова, выражающаяся в сфере повествования. Установлено, что природа художественного мышления современного коми прозаика А. Вурдова во многом родственна особенностям мироосмысления К. Жакова; эта связь находит выражение и в особенностях нарративной сферы художественных произведений, актуализации такого феномена художественного текста, как недосказанность. Обогащено представление и об особенностях художественного осмысления действительности новейшей коми прозой.

**Ключевые слова:** коми литература, новейшая коми проза, литературные традиции, К. Жаков, А. Вурдов, особенности повествования, недосказанность

**Благодарности:** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU – 2022-0090 «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

**Для цитирования:** Кузнецова Т. Л. О связи творческого наследия коми писателя К. Ф. Жакова с произведениями современного прозаика А. И. Вурдова: особенности повествования // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 677–685.

## **About the connection of Komi writer K. F. Zhakov's creative heritage with the stories of modern Komi prose writer A. I. Vurdov: features of the narration**

**T. L. Kuznetsova**

*Institute of Language, Literature and History of the Komi  
Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Syktyvkar, Russian Federation,  
illh@mail.illhkomisc.ru*

### **ABSTRACT**

**Introduction:** at the present time, when modern society is undergoing a process of rethinking of spiritual values, the question of the literary traditions of modern literature becomes very relevant. The study of the artistic experience of Komi literature in connection with the classical heritage contributes to identify the spiritual foundations of life and the activities of modern society, the specifics of their development. The article considers the connection of the creative searches of modern Komi prose writer A. I. Vurdov with the spiritual heritage of K. F. Zhakov, the philosopher, the creator of the original philosophical system, the largest Komi writer who became famous in Russia at the beginning of the XX century.

**Objective:** to identify the connection of the works of modern Komi prose writer A. Vurdov with the creative heritage of K. Zhakov, expressed in the field of narration.

**Research materials:** the works by K. F. Zhakov, which became available to a reader at the end of the XX – beginning of the XXI centuries, as well as the experience of small prose by A. I. Vurdov.

**Results and novelty of the research:** one of the aspects of a significant problem is considered – the literary traditions of the newest Komi prose. For the first time, the connection of the works by A. Vurdov with the creative work of K. Zhakov, expressed in the sphere of narration, is revealed. It is established that the nature of the artistic thinking of modern Komi prose writer A. Vurdov is in many ways related to the peculiarities of K. Zhakov's worldview; this connection is also expressed in the features of the narrative sphere of artistic works, the actualization of such a phenomenon of artistic text as understatement. The idea about the features of artistic understanding of reality by the newest Komi prose is enriched.

**Acknowledgements:** the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the of the Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, the state registration number of the project FUUU – 2022-0090 “Komi literature: features of artistic reconstruction of the world picture”.

**Key words:** Komi literature, newest Komi prose, literary traditions, K. Zhakov, A. Vurdov, features of the narration, understatement

**For citation:** Kuznetsova T. L. About the connection of Komi writer K. F. Zhakov's creative heritage with the stories of modern Komi prose writer A. I. Vurdov: features of the narration // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (4/51): 677–685.

## Введение

Непростой период, переживаемый современным обществом, сближает его с драматичным временем начала XX в.: в новейшей коми прозе ощутимы традиции К. Ф. Жакова. Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) – философ, математик, создатель оригинальной философской системы, получившей название лимитизм. Он внёс весомый вклад и в изучение фольклора, этнографии финно-угорских народов. Родившийся и выросший в с. Давпон близ Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар) в семье резчика по дереву, он получил образование в Киевском и Петербургском университетах. Позднее К. Жаков стал приват-доцентом Петербургского университета, преподавал в Психоневрологическом институте, на Черняевских курсах (Петербург). Узы общения связывали его с такими одарёнными и известными людьми, как писатели А. М. Горький, Л. Н. Андреев, А. П. Чапыгин, психиатр и психолог В. М. Бехтерев, лингвист И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, фольклорист И. Н. Жданов и другие. В 1912 г. в письме Леониду Андрееву А. М. Горький писал: «Знаешь, в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура» [4, 346–347]. На наш взгляд, немаловажно, что творчество К. Ф. Жакова привлекает внимание и зарубежных исследователей литератур финно-угорских народов [19; 20; 21; 22; 23].

И в творчестве К. Ф. Жакова, и в коми прозе конца XX – начала XXI в. в полной мере выразились особенности духовного состояния общества, цельность которого нарушена: развивается

процесс переосмысления прошлого и формирования новых мировоззренческих установок. Мироотношение современника определяется такими факторами, как невозможность принять противоречия жизни, апокалиптические ощущения, преобладание пессимизма (произведения Г. Юшкова, И. Торопова, В. Тимины, Е. Рочева, А. Вурдова, А. Ульянова, А. Попова и др.)<sup>1</sup>

Близость с произведениями великого К. Жакова обнаруживает проза современного автора – А. И. Вурдова. Коми писатель Алексей Иванович Вурдов, 1956 г. р., работающий преимущественно в прозе, получив образование в другом регионе России, многие годы провёл вдали от Коми. Однако в определённый период жизни он ощутил необходимость в том, чтобы вернуться на малую родину и обратиться к художественному творчеству: с конца 1990-х гг. он проживает в Удорском районе Республики Коми. А. Вурдовым издано несколько книг.

Вопрос о родственности произведений А. И. Вурдова художественным поискам К. Ф. Жакова впервые был рассмотрен нами. Выявлено, что художников слова сближают смыслообразующие основы творчества; показано, как они, тяготея к глубинному, философскому осмыслению, создают образы специфической – обобщающей – семантики [9, 80–88]. Актуальным является вопрос и о близости художественного мышления авторов; с тем, чтобы осветить его аспекты, необходимо рассмотреть специфические черты, характеризующие сферу повествования. Этой проблеме и посвящена данная работа.

<sup>1</sup> О коми прозе данного периода подробнее [7, 112–124].

### Материалы и методы

Материалами исследования являются рассказы К. Ф. Жакова «Охотник Максим», «Удалец и музыкант Степан Васильевич», А. И. Вурдова «Сизим лун Көрмөй Митгълөн» («Семь дней Кормой Митя»), «Пекыль Педось» («Чурка Федосья»).

Исследование основано на таких классических методах интерпретации художественного текста, как методы семантического, контекстуального и сравнительного анализа.

### Результаты

На наш взгляд, сближают творчество данных авторов особенности их мироотношения. В познании противоречивой сути бытия К. Жаков драматично переживает и личный опыт. Так, неразрешимым внутренним конфликтом предстаёт его тяга к образованию, науке: оставивший родину в поисках знаний, он чувствует внутреннюю потребность вернуть родному народу накопленное духовное богатство, сослужить ему службу. «Увы! Увы! Мне не суждено было быть священником среди народа моего, как не удалось мне быть и учителем народным, ни писарем волостным! Невидимое средостение отделяло меня от народа» [5, 46], – горестная мысль звучит в исповедальных строках его автобиографического романа «Сквозь строй жизни» (1914). Эта вечная драма живёт в сознании и современных писателей – представителей литератур, которые ещё не так давно рассматривались как молодые. И творчество А. И. Вурдова вдохновлено потребностью выразить глубокие чувства по отношению к своему родному немногочисленному народу. Именно этим обусловлено наличие стойкого пафоса в художественной ткани произведений данных авторов, выражающего трепетное, любовное отношение к родине и своему народу.

Подобно К. Жакову, особенности художественного осмысления жизни которого сопряжены с онтологичностью (подробнее об этом см. [8, 23–32]), А. Вурдов ощущает тяготение к философичности.

Сближает прозу данных авторов и то, что при том, что реципиент ощущает глубинный пафос возвеличения родного народа, отношение авто-

ров не получает полного, чётко выраженного, развёрнутого вербального выражения. В малых прозаических формах (не имеем в виду, конечно, сказки) и К. Жакова, и А. Вурдова запечатлено стремление воссоздать жизнь такой, какая она есть; авторское отношение словно растворилось. Отношение авторов не приняло материальных форм выражения: оно скрыто в сфере текстообразования.

В произведениях и К. Жакова, и А. Вурдова изображение достаточно специфично: повествование в воссоздании будничности, формирующей цепь повседневной жизни, тяготеет к объективному. На наш взгляд, в данном случае имеет место тип изложения мысли, характеризуя который А. П. Чудаков обращается к выражению «объективное повествование»: субъект рассказывания «исключает себя как самостоятельный воспринимающий субъект, ссылаясь на чужое восприятие (т. е. восприятие героя – Т. К.), стремясь к объективной позиции» [18, 44]. В формировании «объективного повествования» не малую роль играет описание, ориентирующееся на воссоздание точной во всех деталях картины жизни: причём, в нём часто присутствуют элементы перечислений. Но особенность описания данного типа в том, что в нём содержится некий элемент мистификации: «выдаваемое» автором за нейтральное описание, оно не является таковым. При объективности повествования оно имеет едва ощутимый элемент нарочитости, и именно данное обстоятельство позволяет реципиенту воспринимать текст как выражающий субъектное начало (в данном случае имеет смысл вести речь о наличии своеобразной нарративной маски<sup>2</sup>).

На наш взгляд, специфичность повествования в рассказах К. Жакова и А. Вурдова в том, что авторы прибегают к мимикрии<sup>3</sup> (именно с данным обстоятельством коррелирует значимая роль подтекста). Энергия отношения авторов выражена – и в этом парадоксе также скрыт эффект художественности – в стремлении отказать от его полного, развёрнутого вербального выражения. Происходит некое накопление энергии молчания, которое получает новое качество – выражение трепетно хранимого, словно сжатого, возвышенно-эмоционального отношения

<sup>2</sup> Следует отметить, что «в литературе маска может проявляться в виде ... субъектной структуры (форма выражения авторского сознания)» [1, 103].

<sup>3</sup> «Автор объективируется в нарратора», – так характеризует подобное художественное явление исследователь особенностей повествования известного в России современного русского прозаика Е. Попова [12, 144].

писателей к эпизодам, событиям, изображающим жизнь родного народа, характерам, воплощающим его основные черты и свойства (в данном случае, скорее, имеет место не просто сокрытие авторского отношения, но феномен, связанный с нарочитым отстранением прозаиков). На наш взгляд, имеет место «<...> недосказанность, недоовоплощённость, недовыраженность, скрытая потенциальность смысла, знаковое отсутствие, недоговорённость» [15, 3].

Близки особенности нарративной стратегии писателей. На наш взгляд, повествование авторов роднит специфическая наполненность слога: в данном случае нашла выражение такая особенность нарратива, как недосказанность определённой степени<sup>4</sup>. Данное свойство сродни с возвышенным, граничащим с романтическим, изображением прошлого народа коми, что нашло яркое художественное выражение в поэме К. Жакова «Биармия» (1916) (данное эстетическое явление нашло отклик в новейшей коми прозе: романах Г. Юшкова «Бива» (1999), В. Тимина «Биармиаса викинг» («Викинг из Биармии», 2010), повести В. Тимина «Эжва Перымса зонка» («Мальчик с Перми Вычегодской», 1999). В малой прозе К. Жакова отношение автора, столь же глубокое, оказывающее сильное психологическое воздействие, не выражено вербально (или выражено минимально). Создавая ряд колоритных образов героев – крестьян, охотников, К. Жаков сохраняет объективный тон повествования («Нялай», 1911; «Старик Матвей», 1913; «Парма Степан», 1910; «Василий Кудряш», 1910 и др.). Так, данные особенности сохраняются и в рассказе «Охотник Максим» (1913), который сам К. Жаков называет повестью о Максиме Охотнике, выражая надежду, что её «может быть, кто-нибудь прочтёт и облегчённо вздохнёт, вспомнив старину великую» [6, 71]; в произведении автор знакомит читателя с Максимом, человеком неординарным – великаном, силачом. Но, ведя повествование, К. Жаков не выражает своего отношения (только однажды им употреблено при характеристике главного героя слово исполин, которое, в сущности, не имеет эмоционально-оценочной окраски). И, воссоздавая сцену охоты на медведя (эта охота, на которую

решился идти герой, автором определена как важная), писатель преследует целью адекватно, во всех подробностях изобразить опасный поединок охотника с лесным зверем: «Охотники стали очищать снег копыями и расчистили большое пространство, покрытое кустарниками, топорами стали бросать и вынимать верхний дёрн над берлогой. В это время собаки вдруг залаяли, видно, спящий старик повернулся на другой бок. Наконец берлога была почти открыта, и с рёвом выскочил оттуда проснувшийся медведь. Охотники хотели приколоть его копыями, а некоторые прицелились, но Максим удержал их: “Стойте, братцы, шкуру испортите”. И бросился он на медведя, и взял его за уши, и стал с ним бороться. Медведь, стоя на задних лапах, был почти вровень с Максимом. Лесной старик, однако, не шутил: он стал кусать левую руку охотника. Тогда Максим, изловчившись, правую руку сунул в рот медведю взял его за язычок. Последний не знал, что делать, только мотал головою <...> Потом Максим опрокинул медведя на снег <...> В это время другие охотники, дальше не слушаясь слов Максима, ножами прикончили лесного старика. Максим только одно говорил: “Берегите, братцы, шкуру да не мучьте старика. Надо сразу убить его”».

Медведь умер. Теперь больше не увидит он наступающей весны и солнца над лесом, не полакомится коровками деревни Джиан на Вишере.

Когда сняли шкуру его, он, как человек, лежал на снегу <...> А Максим шептал ему, наклонившись: “Не сердись, старик, не чужие убили, а свои... И не от себя, а по воле Божией”» [6, 72]. В выразительной и захватывающей сцене схватки охотника с медведем при отсутствии эмоционально окрашенного комментария автора в повествование всё же вкраплены детали, подчёркивающие силу, ловкость охотника, его умение маневрировать в поединке и тем перехитрить царя лесов. Воссоздавая особенности охотничьего промысла коми, автор находит необходимым показать читателю, каково отношение Максима, именитого человека, имеющего славу удачливого охотника, к старому медведю, которого он поборол в схватке. Слова Максима, обращённые к старому медведю, которого он победил, также

<sup>4</sup> «Целостность, единство художественного произведения в момент его высказанности, договорённости (в отличие от завершённого философского труда, единой философской системы) всегда несут в себе множество интенций и недоговорённостей в своей обращённости к читателю. В этом парадоксе единства и незавершённости, ясности и тайны, точности (единственным найденное, избранное и возрождённое слово) и многозначности художественного слова», – вполне справедливо утверждают литературоведы [13, 232].

играют значимую роль в акцентации таких черт характера охотника, как совесть, бережное отношение ко всему живому. Немаловажен и приведённый диалог писателя с героем. На наш взгляд, объективность позиции автора, когда он утверждает, что жители Двины – крупные и здоровые люди, больше ростом, чем жители Вычегды<sup>5</sup> и в ответ на возражения Максима приводит аргумент о том, что не все коми такие, как он, вызывает обратный эффект. У читателя формируется уважительное отношение к герою, который, не принимая объективное положение вещей, возвеличивает немногочисленный родной народ, проживающий в суровых северных условиях. И к реципиенту неуволимо и необъяснимо приходит ощущение, что внешне бесстрастное повествование скрывает трепетное, любовное отношение автора к герою<sup>6</sup>. Именно эта сфера субъективного отношения, будучи тщательно скрыта, всё же «находит выход» к читателю и сближает произведение, в котором имеют место элементы очерка, к художественному творению. В данном случае эстетическое наслаждение, что обычно испытывает реципиент при знакомстве с художественным произведением, коррелирует с моментом сотворчества – открытием, что переживает читатель.

На наш взгляд, данный тип текста организован<sup>7</sup> так, что скрытая, невербальная сфера текста («сфера субъекта») формирует художественную двуплановость повествования, придавая семантическую значимость тексту. Данное явление – одна из форм рецептивной практики – интерпретируется исследователями и как затекст. Как отмечают литературоведы, наличие невербального пространства коррелирует с «<...> появлением некой особой, специфической свободы, свободы игры (автора) и свободы интерпретации (реципиента), что ведёт к бесконечному разворачиванию новых смыслов» [16, 9].

Имеет смысл вести речь о том, что опыты малой прозы А. Вурдова, воссоздающие процесс развития истории родного немногочисленного народа, особенностей его культуры, объединяет цикличность. Особое значение получает то обстоятельство, что «эстетический парадокс циклизации заключается в том, что и цикл как

единство, и каждый из составляющих его элементов можно воспринимать как самодостаточный эстетический объект; цикл-целое концептуально подобен своей части» [14, 23]. Так, рассказ А. Вурдова «Семь дней Кормой Митя» (2007) весьма точно характеризует его малую прозу. Повествование о Кормой Мите, герое одноименного рассказа, «оформляется» в разделы, описывающие семь дней жизни главного героя, что воссоздают будничные события, в которых находит выражение утвердившийся в веках образ жизни, особенности культуры семьи, рода: «Мить выльысь катіс кось юр горулдз, биалис выль тупляс да мөдлапөв берег дортіыс кутіс кылөдчыны. Первойсө налим бытшикис, но кор йираинө веськаліс, вит лов син пырыс прөйдитісны, а шедөдны эз артмы – винөв сьомга черияс уйкнитісны катыд. Мить йөткасьышитіс шөрлань и бара некымын вуджөр аддзис, нөшта өтиөс сатинитіс. «Тыдалө, чериыс вөрзьяма, пондөма чукөрөн катны кульмыны. Со и тывьясны пөра воис», – мөвпаліс пельк морт да сзсыя дугөдчис кыбны, югдыны өд пондіс. Пөлдөм кынөма энь ловьяс ыджыд туес тыр сетісны гөрд пөксө. Чери карөм бөрти Мить лөсьөдіс майгөгьяс, өтар помьяссө йывдөмөн, да лэччис берөгө. Думышитчөмөн, өкурат ва гуяс весьтасас, өтиөн-өтиөн вит майгөг тувьяліс чер тышкөн, көж берег кузяыс кывтыд чукыльөдз. Уджьяс помалөм бөрти вөлисти мудзөм морт водышитліс, медым недыр көть узышитыны» (Мить вновь поднялся вплотную до верхних порогов, поджөг новый свиток берестяных пластов и стал плыть вдоль противоположного берега. Сначала налима проткнул-пронзил, но когда достиг реки, где глубокие места, омуты, пять рыбин прошли перед глазами, а поймать не получилось – выносливые, хитрые рыбыны семги юркнули – незаметно и проворно ушли по течению реки. Мить подгрөб к середине и снова несколько теней обнаружил, ещё одну пронзил. «Видать, рыба-то тронулась, стала группами подниматься нереститься. Вот и пора пришла сети забрасывать», – подумал ловкий, расторопный человек и затем прекратил лучить рыбу, ловить её острогой. Самки с вздувшимися животами дали красной икры с большой туес. После

<sup>5</sup> Вычегда – река, протекающая на территории Коми.

<sup>6</sup> «Важно, что умолчание всегда громко, порой болезненно-отчетливо звучит в имплицитном смысловом поле», – отмечают исследователи [11, 181].

<sup>7</sup> Отметим, что, обсуждая проблему постановки вопроса о поэтике подтекста, Л. Я. Гинзбург ведёт речь об особенностях семантического строения текста [3, 364]. На наш взгляд, в данном случае мы наблюдаем нечто подобное.

того, как была разделана рыба, Мить подготовил колы для изгороди, с одного конца их очинив, заострив, и спустился на берег. Обдуманно, точь-в-точь напротив водных впадин отдельно по одному вбил пять колов обухом топора, по берегу – из мелких камешков с песком – до излучины вниз по течению. Только после завершения работ уставший человек прилёт, чтоб хоть недолго поспать) [2, 12–13].

Воссоздание автором процесса ловли рыбы предусматривает абсолютную точность: изображены не только все движения, отточенные многолетним опытом, но зафиксированы и наблюдения, раздумья героя. В описании сцены превалируют глагольные формы, что привносит в данный фрагмент текста элемент перечисления действий. В развитии процесса описания эпизода ловли рыбы реципиент ощущает некое накопление энергии, что связано с отсутствием вербального выражения: сам процесс подзатянувшегося описания таит в себе эмоции автора. Преувеличенное внимание к процессу ловли рыбы все же вносит некоторые нюансы, позволяющие вести речь о не вполне объективном освещении картины: описание, по всем канонам объективное, вдруг (совершенно внезапно) открывается как глубоко личностное, субъективное. В данном описании скрыто любование автора действиями героя, его сноровкой, смекалистостью (в описании эпизода употреблено лишь два определения, характеризующие героя почти объективно: ловкий, расторопный); в стремлении воссоздать особенности одного из традиционных ремёсел народа также скрыто глубинное, любовное отношение писателя к народной культуре.

Специфика данного художественного явления в том, что воссоздание объективной картины пропитано тонким лирическим отношением, которое не имеет явного, чёткого выражения. Имеет место своего рода недосказанность (вид умолчания), когда яркая энергия авторского отношения, не получив развёрнутого выражения, принимает значимое участие в формировании художественного текста. Это тот случай, когда формируется своего рода подтекст: энергия авторского отношения, возвеличивающего, героизирующего родной народ, не будучи выражена вербально, всё-таки ощущается реципиентом. «Подтекст является оборотной стороной всякого

умолчания. Если умолчание сознательно и искусно создаётся автором для достижения определённой художественной цели, то извлечение из него подтекста производится читателем, который для этого должен обладать, хотя бы в сильно уменьшенной степени, теми же качествами, что и автор. Чем глубже и значительнее подтекст, заложенный в отдельных умолчаниях, диалогах, сценах и во всем повествовании, тем в большей мере его понимание ставится в зависимость от способности читателя к восприятию и оценке деталей описания, замечаний персонажей, даже от тонких оттенков их реакции на происходящее или на слова собеседника» [10, 168], – точно подмечено исследователями.

В произведениях К. Жакова и А. Вурдова умолчание – еле уловимая нарочитость в формировании бесстрастного, объективного повествования, повторяясь, словно мелькая, обнажает трепетное, затаённое отношение авторов к героям, обстоятельствам: читателю «открывается» новый смысл<sup>8</sup>. Подобное художественное явление вошло и в текст рассказа К. Жакова «Удалец и музыкант Степан Васильевич» (1913). Немаловажно, что в воссоздании характера родного народа писатель акцентирует внимание не только на исключительно положительных его чертах. Так, в данном рассказе К. Жакова автор знакомит читателя с человеком непростой судьбы: ещё мальчиком потерявший мать, прошедший немало лет в дальних краях в поисках заработка, испытал Степан глубокое чувство любви. Но разлучила мать девушки влюблённых, и с тех пор главный герой рассказа потерял покой. Отводил он душу в мастерской игре на гармошке да в пьяных драках. Ведя неторопливый рассказ о жизненном пути этого сильного, одарённого человека, который, однако, не находит сил, чтобы побороть слабости, писатель особое внимание уделяет сцене, когда осуждённого за ненамеренное убийство в драке Степана ведут под конвоем: «Да, Степана вели в тюрьму. Вот показался в нашей деревне – широкий в плечах, статный, в вятском полушубке, опоясан красным кушаком. Он тихо шёл, наклонив голову между рядами крестьян.

Справа и слева его шли десятские. Дойдя до белого креста, стоявшего около дома Фалалея, Степан остановился, посмотрел на низкое румяное солнце на голубом небе и на народ, густой

<sup>8</sup> «Умолчание помогает автору раскрывать многоплановость текстов. В каждом случае «кодировка» информации выполняет определенные функции», – утверждают исследователи [17, 160].

стеной стоявший перед ним <...> Потом бухнулся он в землю и кланялся народу, стоя на коленях, прося прощение <...> Поклонился на юг, поклонился на север, на восток и запад. Потом встал на ноги и обратился к солнцу: «И ты меня, светлое батюшко солнце, прости <...> прости, прощай небо родное. И вы все, братья и сёстры мои, земляки, мне простите».

Народ заволновался, у всех вздрогнуло сердце. «Все ходим под богом», – старики забормотали. Бабы зарыдали, закрывая лицо платком: «Милый наш Степанушко!»

<...> Степана сослали в Сибирь после тюрьмы. Трудно жить и тесно жить в узком горлышке бутылки, в северной деревне, да и в южной тоже, человеку, широкому в плечах» [6, 96–97]. Писатель, описывая перипетии жизни главного героя произведения Степана, не выражает непосредственно своего отношения к герою, его поступкам. Реципиент воспринимает как особые знаки упоминание о том, что лучшие из девушек вышли бы за него замуж, если б он не злоупотреблял алкоголем и не участвовал в драках, а также то, что в стремлении сохранить верность объективности в воссоздании сцены, когда Степана вели в тюрьму, автор отметил, что выслушав обращение главного героя, «народ заволновался, у всех вздрогнуло сердце». Думается, внешне нейтральное, убедительное в подробностях описание внешности Степана также имеет дополнительное семантическое значение, выражающее субъективное отношение автора. В целом нюансы, сообщающие полноту, всесторонность и объективность информации, создают у реципиента ощущение недосказанности: отношение автора не выражено достаточно полно. И тут же исподволь, словно вырвавшись из оков, рождается трепетное, глубокое, любовное отношение писателя к своему герою.

И при знакомстве с произведением А. Вурдова «Чурка Федосья» (2007), повествующем о супружеской паре, к которой не без иронии относятся односельчане, воссоздающем комическое происшествие, читатель ощущает затаённый пафос любования. Комический эффект в данном случае сопряжён с доброжелательной, утверждающей энергией: комичная пара не вызывает насмешки, унижающей её. Рассказ снабжён небольшим вступлением – словами автора, повествующими о коми, проживающими в бассейне реки Йирва: «Йирваса йёз важёён ылёдз нималёны. Зиль да киподтуя войтыр уна

звер-пётка, чери кыйлёмны, ыджыд, шоныд керкаяс кыпёдлёмны. На йылысь ёни на казъты-влёны, быдсяма вёвлёмторъяссё висътавлёны» (Люди, проживающие у реки Йирва, издавна широко известны. Трудолюбивый, старательный и умелый, искусный народ много зверей, лесных птиц, рыбы ловил, большие, тёплые дома поднимал. И сейчас о них вспоминают, всякие происшествия рассказывают) [2, 76]. Элементы сказа, «организующие» неторопливую речь повествователя, не содержат эмоционально окрашенного авторского отношения, но читатель, во вступлении получив «посыл» о значимости информации, в манере её изложения (подробном рассказе о жизни героев) ощущает силу интенции, рождающей текст: глубинное стремление писателя возвеличить родной народ, выразить любовное к нему отношение. Отметим, данная зарисовка – одна из многих, что формирует картину, представляющую непростую эволюцию истории родного народа, специфики его культуры.

#### **Обсуждение и заключение**

Итак, при близости духовного наследия К. Жакова с коми прозой конца XX – начала XXI в., коррелирующей с комплексом социокультурных факторов, имеет место и художественный феномен родства творчества отдельного писателя – современного прозаика А. Вурдова – с произведениями К. Жакова. При сходстве черт жанровой специфики (опыты малой прозы, в которых воссозданы аспекты исторического опыта народа, его культуры) творчество А. Вурдова сближают с творческой манерой крупного художника слова и особенности повествования. Нарративная специфика текстов, роднящая произведения А. Вурдова с творческим наследием известного писателя, определена особенностями художественного мышления, коррелирующего с невербальными формами выражения мысли: особенности текстообразования обнажают глубинные пласты сознания авторов. Данный феномен во многом связан со спецификой поэтики повествования, когда объективное повествование насыщено скрытой силой присутствия субъекта, коррелирующего с особенностями мироотношения писателей. В данном случае недосказанность – один из факторов, формирующих художественный текст; в основе этого художественного явления – страстное, неодолимое стремление авторов выразить глубокие чувства по отношению к родному народу.

**Список источников и литературы**

1. Арнаутова В. В. «Маска» как субъектная форма выражения авторского сознания в лирических текстах рубежа XX–XXI вв. // *Филологические науки*. 2019. № 5. С. 100–104.
2. Вурдов А. И. *Сир войт (Капля смолы)*. Сыктывкар: Арт, 2007. 242 с.
3. Гинзбург Л. Я. *О лирике*. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 381 с.
4. Горький и Леонид Андреев. *Неизданная переписка* / гл. ред. И. И. Анисимов. М.: Наука, 1965. 630 с. (Серия «Литературное наследство». Т. 72).
5. Жаков К. Ф. *Сквозь строй жизни*. СПб.: Грамотность, 1912. Ч. 2. 132 с.
6. Жаков К. Ф. *Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 460 с.
7. Кузнецова Т. Л. Осмысливая пережитое ... (некоторые тенденции развития современной коми прозы) // *Арт*. 2000. № 2. С. 112–124.
8. Кузнецова Т. Л. Автобиографический роман «Сквозь строй жизни» // *Творчество К. Ф. Жакова* / В. Н. Демин, Т. Л. Кузнецова, Г. К. Лисовская, А. К. Микущев. Сыктывкар: УрО Коми научный центр, 1991. С. 23–32. (Серия препринтов «Научные доклады» КНИЦ УрО. Вып. 269).
9. Кузнецова Т. Л. Об особенностях рецепции творческого наследия коми писателя К. Жакова // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 80–88.
10. Мурза А. Б., Алфёрова Т. Л. Формирование подтекста как определяющий фактор развития художественного стиля // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 166–171.
11. Новикова У. В. Умолчание как средство активного речевого воздействия // *Актуальные вопросы филологических исследований. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского*. Краснодар: КубГТУ, 2022. С. 179–186.
12. Осьмухина О. Ю. Специфика повествования в новеллистике Е. Попова 1970–80-х гг. // *Вопросы филологии*. 2011. № 2. С. 138–156.
13. Отина А. Е. Действительность в зеркале русской литературы и эстетической мысли первой четверти XIX века // *Человек – Общество – Культура как предмет философской рефлексии. Материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса»*. Донецк: Донец. Нац. технич. ун-т, 2022. Вып. 8. С. 225–235.
14. Трахтенберг Л. А. Циклизация в русских сатирических журналах XVIII века // *Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка*. 2016. Т. 75. № 4. С. 22–34.
15. Феномен незавершённого / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, О. А. Михайлова, Е. В. Абрамовских и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 670 с.
16. Феномен затекста = The Phenomenon of Aftertext: монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, О. А. Михайлова [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 392 с.
17. Чернова А. А. Умолчание как прием в текстах современных авторов // XIII Кирилло – Мефодиевские чтения «Человек в пространстве православной культуры». Межвузовский сборник научно-методических статей. Ишим: филиал Тюм. гос. ун-та, 2020. С. 157–161.
18. Чудаков А. П. *Поэтика Чехова*. М.: Наука, 1971. 291 с.
19. Dobó Attila. *Komiföldi Betekintő* // *Finnugor Kalauz. Szerk. Csepregi Márta*. Budapest: Panoráma, 1998. Pp. 81–89.
20. Domokos P. *A kisebbségi finnugor népek irodalomtörténete* // *Domokos Péter. Négy tanulmány (három ráadással)*. Budapest: [w/p], 1996. Pp. 39–44. (*Budapesti Finnugor Füzetek* 4).
21. Jääts Indrek. *Kallsitrat Žakov: komi kirjanik ja filosoof* // *Akadeemia*. 2000. № 6. Pp. 1267–1295.
22. Kruus Rein. *Hõimurahva suurmees Kallistrat Žakov* // *Looming*. 1991. № 12. Pp. 1716–1719.
23. Turkin Adolf. *Komi teadlane ja kirjanik Kallistrat Žakov (1866–1926)* // *Keel ja kirjandus*. 1991. № 12. Pp. 743–752.

**References**

1. Arnautova V. V. “Mask” as a subjective form of expression of author’s consciousness in the lyrical texts of the turn of the XX–XXI centuries. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2019, no. 5, pp. 100–104. (In Russian)
2. Vurdov A. I. *Sir vojtt (Kaplja smoly)* [A Drop of Tar]. Syktyvkar: Art Publ., 2007. 242 p. (In Komi)
3. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics]. Moscow; Leningrad: Sov. pisatel’ Publ., 1964. 381 p. (In Russian)
4. *Gor’kog i Leonid Andreev. Neizdannaja perepiska* [Gorky and Leonid Andreev. Unpublished correspondence]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 630 p. (*Literaturnoe nasledstvo. T. 72*) [Literary Heritage. Vol. 72]. (In Russian)
5. Zhakov K. F. *Skvoz’ stroj zhizni* [Through the Life System]. Saint-Petersburg: Gramotnost’ Publ., 1912. Part 2. 132 p. (In Russian)
6. Zhakov K. F. *Pod shum severnogo vetra. Rasskazy, ocherki, skazki i predaniya* [To the Noise of the North Wind. Stories, essays, tales and legends]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1990. 460 p. (In Russian)
7. Kuznetsova T. L. *Osmyslivaja perezhitoe ... (nekotorye tendencii razvitija sovremennoj prozy)* [Comprehending endured... (some trends in the development of modern prose)]. *Art* [Art], 2000, no. 2, pp. 112–124. (In Russian)



8. Kuznetsova T. L. *Avtobiograficheskiy roman "Skvoz' stroj zhizni"* [Autobiographical novel "Through the Life System"]. *Tvorchestvo K. F. Zhakova* [Creative work of K. F. Zhakov]. V. N. Demin, T. L. Kuznetsova, G. K. Lisovskaya, A. K. Mikushev. Syktyvkar: UrO Komi nauchnyj centr Publ., 1991. pp. 23–32. (*Seriya preprintov "Nauchnye doklady" KNC UrO. Vyp. 269*) [Series of preprints "Scientific Reports" by the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 269]. (In Russian)
9. Kuznetsova T. L. *Ob osobennostyah recepcii tvorcheskogo nasledija komi pisatelja K. Zhakova* [About features of reception of creative heritage of Komi writer K. Zhakov]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, no. 11 (2), pp. 80–88. (In Russian)
10. Murza A. B., Alfyorova T. L. *Formirovaniye podteksta kak opredelyayushchiy faktor razvitiya khudozhestvennogo stilya* [Formation of subtext as the determining factor in the development of artistic style]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2021, no. 2, pp. 166–171. (In Russian)
11. Novikova U. V. *Umolchaniye kak sredstvo aktivnogo rechevogo vozdeystviya* [Understatement as the mean of active speech influence]. *Aktual'nyye voprosy filologicheskikh issledovaniy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. M. Shanskogo* [Actual issues of philological research. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of N. M. Shansky]. Krasnodar: KubDTU Publ., 2022. pp. 179–186. (In Russian)
12. Osmukhina O. Yu. *Specifika povestvovaniya v novellistike E. Popova 1970–80-h gg.* [Specifics of the narration in E. Popov's novelistics of the 1970–80s]. *Voprosy filologii* [Issues of Philology], 2011, no. 2, pp. 138–156. (In Russian)
13. Otina A. Ye. *Deystvitel'nost' v zerkale russkoy literatury i esteticheskoy mysli pervoy chetverti XIX veka* [Reality in the mirror of Russian literature and aesthetic thought in the first quarter of the XIX century]. *Chelovek – Obshchestvo – Kul'tura kak predmet filosofskoy refleksii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. ser. "Sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya uchenykh Donbassa"* [Man – Society – Culture as the subject of philosophical reflection. Materials of the International Scientific Conference. Series "Social and Humanitarian Studies of Donbass Scientists"]. Donetsk: Donetsk. nac. teh. universitet Publ., 2022, Vol. 8, pp. 225–235. (In Russian)
14. Trakhtenberg L. A. *Ciklizatsiya v russkikh satiricheskikh zhurnalakh XVIII veka* [Cyclization in the Russian satirical journals of the XVIII century]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 2016, no. 75 (4), pp. 22–34. (In Russian)
15. *Fenomen nezavershennogo* [The phenomenon of the unfinished]. T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov, O. A. Mikhaylova, E. V. Abramovskikh. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2019. 670 p. (In Russian)
16. *Fenomen zateksta* [The phenomenon of under-text]. T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov, O. A. Mikhaylova [et al.]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2021. 392 p. (In Russian)
17. Chernova A. A. *Umolchaniye kak priyem v tekstakh sovremennykh avtorov* [Understatement as the method in the texts of modern authors]. *III Kirillo-Mefodiyevskiy chteniya "Chelovek v prostranstve pravoslavnoy kul'tury"*. *Mezhvuzovskiy sbornik nauchno-metodicheskikh statey* [III Cyril and Methodius Readings "A Man in the Space of Orthodox Culture". Interuniversity collection of scientific and methodological articles]. Ishim: filial Tyum. gos. universiteta Publ., 2020. pp. 157–161. (In Russian)
18. Chudakov A. P. *Pojetika Chehova* [Poetics of Chekhov]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 291 p. (In Russian)
19. Dobó Attila. Komiföldi Betekintő. *Finnugor Kalauz. Szerk. Csepregi Márta*. Budapest: Panoráma, 1998. pp. 81–89. (In Hungarian)
20. Domokos P. A kisebb finnugor népek irodalomtörténete. *Domokos Péter. Négy tanulmány (három ráadással)*. Budapest: [w/p], 1996. pp. 39–44. (Budapesti Finnugor Füzetek 4). (In Hungarian)
21. Jääts Indrek. Kallsitrat Žakov: komi kirjanik ja filosoof. *Akadeemia*, 2000, no. 6, pp. 1267–1295. (In Estonian)
22. Kruus Rein. Hõimurahva suurmees Kallistrat Žakov. *Looming*, 1991, no. 12, pp. 1716–1719. (In Estonian)
23. Turkin Adolf. Komi teadlane ja kirjanik Kallistrat Žakov (1866–1926). *Keel ja kirjandus*, 1991, no. 12, pp. 743–752. (In Estonian)

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Кузнецова Татьяна Леонидовна**, Зав. сектором литературоведения, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), кандидат филологических наук.

kuznetsovatl@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2368-4631

#### ABOUT THE AUTHOR

**Kuznetsova Tatyana Leonidovna**, Head of the Sector of Literary Criticism, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Candidate of Philological Sciences.

kuznetsovatl@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2368-4631